

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.17223/18137083/92/4

«Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского: традиции Bildungsroman и «работа над ошибками»

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

На материале романа «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского реконструируется история Bildungsroman в русской литературе. Проанализированы и описаны претексты романа, связанные с западноевропейской традицией и ее вариациями в русской литературе, в том числе дебютный роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу». Показано, что, несмотря на «исторический» план сюжета, связанный с созданием эпической дистанции, отделяющей читателя от времени 1840-х гг., Писемский учитывал полемику, развернувшуюся вокруг романов его современников: «Некуда» Н. С. Лескова «Дым» И. С. Тургенева, «Обрыв» И. А. Гончарова. Важнейший слой романа составляет и «работа над ошибками», заключающаяся в переосмыслении художественных и идеологических установок, ранее реализованных в романе «Взбаламученное море». В статье предложено прочтение романа как суммы предшествующих произведений писателя, который вслед за «Жизнью Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса и «Обрывом» И. А. Гончарова предвосхищает рождение метаромана.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Писемский, Боборыкин, история романа, роман воспитания, спациопэтика, вторичность и альтернативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН

Для цитирования

Козлов А. Е. «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского: традиции Bildungsroman и «работа над ошибками» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 62–77. DOI 10.17223/18137083/92/4

© Козлов А. Е., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 62–77

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 62–77

“People of the Forties” by Aleksey Pisemsky: Bildungsroman traditions and “working on mistakes”

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

This paper endeavors to reconstruct the history of the Bildungsroman in Russian literature, employing the novel “Lyudi sorokovykh godov” (“People of the Forties”) by Aleksey Pisemsky as a case study. This study offers an analysis and description of the pretexts of the novel as they relate to the Western European heritage and its adaptations in Russian literature, including the novel “V put’-dorogu” (“On the Road”) by Pyotr Boborykin. The analysis reveals the “historical” framework of the plot designed to create an epic separation between the reader and the 1840s. At the same time, Pisemsky addresses the controversies emerging from the novels of his contemporaries: “Nekuda” (“Nowhere”) by Nikolai Leskov, “Dym” (“The Smoke”) by Ivan Turgenev, and “Obryv” (“The Cliff”) by Ivan Goncharov. The fourth part of the novel is examined in relation to the supposed prototypes: Alexander Herzen, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Nikolai Danilevsky. Pisemsky is shown to overcome the established monopoly in representing the people of the forties, which elicited negative reactions from critics and contemporaries. A key aspect of the novel involves “working on past mistakes”, specifically reevaluating the artistic and ideological viewpoints expressed in the novel “Vzbalamuchennoe more” (“The Turbulent Sea”). In the novel under study, Pisemsky significantly diminishes the accusatory tone, highlighting moderate liberal figures rather than exaggerated radical ones. This paper suggests interpreting the novel as a sum of the writer’s previous works foreshadowing the development of the meta-novel, following “The Life of David Copperfield” by Charles Dickens and “The Cliff” by Ivan Goncharov.

Keywords

Russian literature of the 19th century, Pisemsky, Boborykin, history of the novel, educational novel, spatial poetics, secondary and alternative

Acknowledgments

The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), no. 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, Institute of Russian Literature RAS

For citation

Kozlov A. E. “People of the Forties” by Aleksey Pisemsky: Bildungsroman traditions and “working on mistakes”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 62–77. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/4

Среди сюжетных модификаций романа в русской литературе XIX в. особое место занимает роман воспитания, или Bildungsroman [Краснощекова, 2008; Сарана, 2018]. Ориентированный на «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте и «Генриха фон Офтердингена» Новалиса, роман воспитания нашел отражение и в фикциональной, и в мемуарной прозе. Особого развития эта жанровая модификация достигает в соединении с романом карьеры. «Красное и черное» Стендаля и «Утраченные иллюзии» О. де Бальзака вместе с множеством эпигонских произведений, развивающих магистральный сюжет, часто связанный со злоключениями романтического провинциала, обуславливают сюжетосложение «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова и «Записок одного молодого человека» А. И. Герцена. Для второй половины XIX в. определяющим стало появление

«Жизни Дэвида Копперфилда, описанной им самим» – ключевого произведения Ч. Диккенса, в котором определилась завязь метаромана. Аранжированная множеством ретроспекций история *положительно хорошего человека*, постепенно осознающего себя писателем, непосредственным образом отразилась в поэтике знаменитой трилогии Л. Н. Толстого, поздних романах И. А. Гончарова, в «Униженных и оскорбленных» и «Подростке» Ф. М. Достоевского, «Былом и думах» А. И. Герцена.

Несмотря на то что 1860-е гг. рассматриваются традиционно как время полемики романа [Старыгина, 2003], можно констатировать, что сюжетный фонд и связанные с ним жанровые вариации не исчерпываются социально-политическими дебатами. Так, в тени «антинигилистического» романа («Взбаламученное море») А. Ф. Писемского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Марево» В. С. Ключникова) остался дебютный роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу». Сочетающий автобиографические черты с общелитературными¹, этот роман подчиняется логике сюжета инициации: Борис Телепнев последовательно проходит испытания в родном городе Н. (Нижегород) и двух городах своего студенчества: К. (Казань) и Д. (Дерпт)². Тернарная композиция романа определяет свойства пространств: Н. и К. воспроизводят усредненный образ провинциального города (сказался интерес Боборыкина к «Губернским очеркам» М. Е. Салтыкова-Щедрина³), а Д. предстает пространством финальной инициации, связанной с обретением подлинной любви.

Заслуживают внимания обстоятельства публикации романа. Боборыкин дебютировал в «Библиотеке для чтения» пьесой «Однодворец» в 1860 г., после чего стал помещать в этом журнале фельетоны под псевдонимом *Петр Нескажусь*. «В путь-дорогу», не вызвавший серьезного обсуждения критики и не замеченный на фоне «Отцов и детей» И. С. Тургенева, оказал «Библиотеке для чтения» услугу: это был регулярно публикуемый роман с продолжением (1862–1864), который позволял держать готовый материал в портфеле редакции. Тем не менее журнал, скомпрометированный фельетонами А. Ф. Писемского и памфлетным романом Н. С. Лескова «Некуда», терял читателей. В 1863 г. издававший «Библиотеку...» Писемский уступил убыточный журнал Боборыкину. Новый редактор и издатель, из штатного сотрудника превратившийся в его «распорядителя», пытался вдохнуть жизнь в издание, однако скандал, вызванный романом «Некуда», который критика называла «продолжением “Взбаламученного моря”», привел его сотрудников к ostracismu, а журнал – к разорению и банкротству. Таким образом, три беллетриста «Библиотеки для чтения»: Писемский, Боборыкин и Лесков, – совершили сходную ошибку, отразившуюся на их литературной репутации.

Исходя из общности «платформы», можно предположить, что роман «В путь-дорогу» читался и обсуждался его сотрудниками. Так, тернарная композиция ро-

¹ Сам писатель впоследствии так характеризовал свой опыт: «...когда я писал этот роман, я еще близко стоял ко времени моей юности. Краски наложены, быть может, гуще, чем бы я это сделал теперь. В общем верно, но полной объективности еще нет» (Боборыкин, 1965, т. 1, с. 209).

² В Дерпте Боборыкин входил в студенческую корпорацию «Рутения», участвовал в деятельности студенческого кружка, в котором, по собственным воспоминаниям, среди прочего делал доклад о «Губернских очерках» (Боборыкин, 1965, т. 1, с. 181).

³ Влияние «Губернских очерков» нашло отражение в ранних фельетонах писателя.

мана «Некуда», название которого антонимично названию романа Боборыкина⁴, и отчетливый автобиографизм, связанный с путешествием доктора Розанова из города Н. через Москву в Санкт-Петербург, демонстрируют «странные сближения» двух произведений. Близость контекста позволяет также считать вероятным обращение к роману Писемского, искавшего новую тему для творчества, способную заглушить скандал, разразившийся в первой половине 1860-х гг. В этом контексте роман «Люди сороковых годов», сосредоточенный на идентичности прогрессивного писателя, чьи взгляды и убеждения сформировались вдали от Петербурга под влиянием Московского университета, полностью отвечал взглядам и убеждениям редакции [Тимашова, 1991; Синякова, 2009; Андреева, 2021].

Роман появился на страницах журнала «Заря», став, наряду со статьей Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», программной вещью издания. Издатель журнала В. В. Кашпирев и его ведущий критик Н. Н. Страхов пытались представить «Зарю» как орган славянофильской печати, преемника проектов М. П. Погодина – сборника «Утро» и журнала «Москвитинин». Вероятно, по этой причине роман, принесший автору более 10 000 рублей⁵, вызвал негативную оценку со стороны критиков демократического направления [Кириченко, 2025]. «Г-н Писемский при всех своих способностях далеко не мыслитель, и претензия его рисовать широкие, всероссийские картины вовсе не соответствует его силе анализа и способности понимать верно исторический смысл явлений»⁶, – писал Н. В. Шелгунов. В своей критической статье он отметил несоответствие выбранных писателем провинциальных типов напряженному периоду интеллектуальных поисков 1840-х гг. Порицая «утонувшего в тине “Взбаламученного моря”» и «дописавшегося до “Зари”» Писемского, С. С. Окрейц отреагировал на произведение более жестко: «Люди сороковых годов, вероятно, сочинялись г. Писемским не более сорока дней. Весь роман дает чувствовать, что это работа вялого поденного труда, писанная в виду векселей г. Кашпирева и без всякого искреннего участия автора в своем произведении. Все в нем перепутано и насильственно сделано» (Окрейц, 1869, с. 75). Симптоматично, что несогласные с концепцией романа

⁴ Знаменательно замечание А. Н. Веселовского: «Г. Боборыкин пишет для большой публики, просторно и дискурсивно рьяно и плодовито, как сам он о ком-то выразился... как будто ищет пути или желает кого-то убедить» [Веселовский, 1900, с. 1011]. Соотнесение творческого процесса с поиском пути актуализирует дискурсивные коннотации романа.

⁵ Оценки гонорара Писемского за роман разнятся от 5 000 (Страхов) до 12 000 рублей (Шелгунов). Отметим, что верхнее значение едва ли является правдоподобным и продиктовано сравнением Писемского и Гончарова.

⁶ См. (Шелгунов, 1869, с. 3). И далее: «Г-н Писемский же маляр, хотя искусный, а все-таки маляр, немедленно стушевывающийся, когда приходится рисовать живых людей с печатью мысли и чувства на лице. “Разговоры в этих случаях происходили между ними самые душевные” – вот и догадывайтесь, что это значит! Ведь теорию такого авторского лаконизма, рассчитанного на сообразительность читателя, можно довести до истинно гениальной краткости. Я предполагаю такой случай. Редакция “Зари” получает пакет с надписью: “От Писемского”. Трепещущими от восторга и умиления руками г. Кашпирев срывает печать, извлекает лист белой бумаги и читает:

“Люди сороковых годов”. Роман.

.....

А. Писемский.

И только. Конечно, за такой роман тысяч пять не дадут; но зато какое поле деятельности для сообразительности читателя! Г-н Писемский, будьте гениальны, – пожалуйста, пишите только подобные романы!» (Там же).

обозреватели увидели в сюжете произведения своеобразную попытку оспорить сформировавшуюся монополию на определенный образ поколения 1840-х гг. [Калугин, Мовнина, 2024].

Сам Писемский подчеркивал: «...я в романе моем теперь дошел до того, чтобы группировать и поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны *русского человека*, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о том же самом приходится говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу его статей. Вы, кажется, знаете их содержание: не можете ли вы хоть вкратце намекнуть мне о тех идеалах, которые он полагает, живут в русском народе, и о тех нравственных силах, которые, по преимуществу, хранятся в русском народе, чтобы нам поспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления вашего журнала» (Писемский, 1936, с. 234).

Несмотря на такую «боевую декларацию», новый роман, в отличие от «Взбаламученного моря», во многом укладывался в существующую литературную традицию. Роман последовательно раскрывал историю детства, отрочества, юности и молодости Павла Вихрова. В этом отношении очевидно его сходство с романом П. Д. Боборыкина, трилогией Л. Н. Толстого и романной хроникой С. Т. Аксакова. Как и Телпнев, Вихров практически не знает своей матери, как и Иртенев или Багров, переживает утрату близкого родственника в отрочестве. При этом Вихров воспитывается вдали от дома, и существенное влияние на формирование его взглядов оказывают учителя, одноклассники, студенты, жильцы меблированных комнат. Не меньшую роль играют и люди из народа, особенно Макар Егорович, появление которого в романе предвосхищает Макара Долгорукова из романа Ф. М. Достоевского «Подросток».

Вопреки «взбаламученной словесности», первые части романа манифестировали отказ от остросоциального полемического романа. Исходя из жанровых возможностей исторического романа, Писемский уходит от злободневности в сторону хроники: роман охватывает период с 1830-х по 1860-е гг., наделяя прошедшее десятилетие, еще недавно осознаваемое как актуальное, свойствами завершенности, создавая абсолютную эпическую дистанцию (табл. 1).

Таблица 1

Хронологические границы романа

Table 1

Chronological boundaries of the novel

Экспозиция	Кульминация	Развязка
В начале 1830-х годов, в июле месяце, на балконе господского дома в усадьбе в Воздвиженском сидело несколько лиц. Вся картина, которая рождается при этом в воображении автора, носит на себе чисто уж исторический характер (Писемский, 1959, т. 4, с. 4).	1848 год был страшный для литературы. Много, что прежде считалось позволительным, стало казаться возмущающим, революционным, подкапывающим все основы государства; литераторов и издателей призывали и делали им внушения (Писемский, 1959, т. 5, с. 76) *.	Финальные слова Вихрова о Великих реформах и обороне Севастополя

* Далее цитируется по пятому тому с указанием страницы в круглых скобках.

Основными маркерами исторического времени становятся литература и театральная жизнь. В детстве Вихров читает сказки Екатерины II и романы Вальтер Скотта, в отрочестве он становится свидетелем спора отца с имеющим репутацию вольнодумца декабристом Александром Ивановичем Коптиным по поводу «Ревизора». Несколько позже студенты Московского университета возводят в кумир Печорина и спорят о Жорж Санд. Любовница Вихрова, прекрасно говорящая по-французски, читает по складам басни Крылова (по-видимому, в начале 1840-х гг.), а следующая прогрессивным взглядам Юлия Захаревская демонстрирует свою начитанность, опираясь на русские журналы (в конце 1840-х – начале 1850-х гг.). Не лишено интереса, что в романе несколько раз обсуждается сюжет «Евгения Онегина». Изначально его критикует Коптин, находя в развязке произведения неправдоподобную метаморфозу, постигшую героиню. К Коптину позднее присоединяется и Вихров, противопоставляющий ограниченности Татьяны свободу выбора героини Жорж Санд. При этом любовный треугольник, объединяющий Вихрова, Мари и генерала Эйсмонда, представляет собой произвольную вариацию на тему возможной измены Татьяны во имя любви, широко обсуждаемую в критике 1840–1860-х гг.

Содержательные дискуссии в романе вызывают статьи В. Г. Белинского и очерки И. С. Аксакова. В таком понимании истории Писемский приближается к Герцену, прямо писавшему о том, что вся мысленная деятельность сосредоточена в России в литературе⁷, и одновременно к почвенникам – Страхову и Достоевскому⁸.

Особого внимания в этом контексте заслуживает «вибрация фактуры» Вихрова [Журавлева, 2013]. Если первые три части мотивированы фазами образования и взросления героя, в характере которого угадываются черты Вильгельма Мейстера (увлечение театром и очарованность Миньоной) и *одного молодого человека* Герцена, сюжет четвертой – центральной – части связан со ссылкой в губернский город.

Над героем моим, только что выпорхнувшим на литературную арену, тоже разразилась беда: напечатанная повесть его наделала шума, другой рассказ его остановили в корректуре и к кому-то и куда-то отправили; за ним самим, говорят, послан был фельдъегерь, чтобы привезти его в Петербург (с. 76).

Здесь в истории опального писателя с большой вероятностью соединяются сюжетно-биографические сценарии А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского и М. Е. Сал-

⁷ «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» (Герцен, 1956, т. 7, с. 198).

⁸ Как писал критик журнала «Время», «наша родина, как известно, сторона печальная. Много мы ждем от неё впереди; есть у нас горячие симпатии к её неподвижным и глухим равнинам, и всё-таки мы с горечью оглядываемся назад: что мы построили, что создали? где наши памятники, где наша живая история? какие досадно темные и неопределенные ответы мы должны давать на эти вопросы! Но есть у нас один ответ ясный и вполне определенный: у нас уже есть литература; жизнь пробилась в ней светлую, текучую струею» (Страхов, 1861, с. 160). Судя по обилию гоголевских аллюзий, в создании статьи активное участие принимал и Ф. М. Достоевский.

тыкова-Щедрин⁹. Так, отношения Вихрова и губернатора, который беззастенчиво заводит в своем доме гарем, сближают эту коллизию с сюжетом «Былого и дум». Контраст бесчестному Тюфяеву составляет Александр Витберг, который, подобно Герцену, становится жертвой существующего политического режима и оказывается в ссылке по навету, ложному обвинению. Если в описании Тюфяева Герцен следовал жизненной канве своего антигероя (возможно, гиперболизируя и искажая отдельные детали), в повествовании о Витберге значительное внимание уделено его искусству – зодчеству – и задуманному, но никогда не построенному храму на Воробьевых горах¹⁰, который, «...как главный Догмат христианства, тройственен и неразделен» (Герцен, 1956, т. 8, с. 284). Плотской, нечистоплотной жизни губернатора через фигуру Витберга противопоставляется жизнь духовная:

Удивительный человек, он всю жизнь работал над своим проектом. Десять лет подсудимости он занимался только им; гонимый бедностью и нуждой в ссылке, он всякий день посвящал несколько часов своему храму. Он жил в нем, он не верил, что его не будут строить: воспоминания, утешения, слава – все было в этом портфеле артиста (Герцен, 1956, т. 8, 283).

В романе Писемского такое место отведено старшему Захаревскому, а также совестному судье [Козлов, 2025].

Тем не менее причиной ссылки Вихрова становится не резонансная студенческая история (описанная Герценом), а литературная деятельность, что роднит Вихрова с Щедриным. Многие современники Салтыкова отмечали внезапность его ареста и несправедливость судебного решения¹¹. Поскольку Салтыков не создал мемуаров, и этот жанр был ему мало органичен, отметим, что на службе Салтыков достиг значительных успехов и в отличие от Герцена сделал служебную карьеру (став в губернии практически вторым по значимости лицом). Ссылка дала Салтыкову-Щедрину богатый материал для обобщений, к которым он обращался в течение своей жизни¹² (табл. 2).

⁹ После окончания университета Писемский, действительно, несколько лет провел в Костроме. Однако это было его личное решение, принятое за 4 года до начала эпохи «мрачного семилетия».

¹⁰ Безусловно, сакральное для автора «Былого и дум» место, где молодой Герцен и его поэтический двойник Н. Огарев отдали свою клятву.

¹¹ В официально-деловом нарративе Салтыкова событие ссылки оценивается по-разному. В автобиографии 1858 г. ссылка заменяется эвфемизмом «перерыв в литературной деятельности» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 466), в записке 1874 г. сообщается: «Начал службу в Канцелярии военного министра, продолжал в Вятском Губ<ернском> п<равле>нии» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 467). Наконец, в автобиографическом письме, адресованном С. А. Венгерову, Салтыков-Щедрин, ослабляя автоцензуру, последовательно упоминает о ссылке, используя глаголы «выслан» и «сослан» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 472).

¹² «Губернские очерки» прямо упоминаются во «Взбаламученном море»: «Русский вестник» уже выходил. Щедрин стал печатать свои очерки. По губерниям только пожевывались и пошевеливались и почти со слезами на глазах говорили: “Ей-Богу, это ведь он нас учит, а мы и не умели никогда так плутовать!”» (Писемский, 1904, с. 808). О прецедентном характере щедринского цикла см.: [Русский реализм..., 2020].

Таблица 2

Сравнение «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина
и романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»

Table 2

Comparison of “Gubernskie ocherki” (“Provincial Sketches”)
by Mikhail Saltykov-Shchedrin and “Lyudi sorokovykh godov” (“People
of the Forties”) by Aleksey Pisemsky

Губернские очерки	Люди сороковых годов
Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и перерывать ваши воспоминания <...> даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец миру (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 6).	Что же я буду делать тут? – спрашивал я с отчаянием самого себя. Читать я не мог, да у меня и не было ни одной книжки. Служебного какого-нибудь дела мне, по моей неблагонадежности, вероятно, не доверят. Чем же я займу себя, несчастный! – восклицал я, и скука моя была так велика, что, несмотря на усталость, я сейчас же стал собираться ехать к Захаревским, чтобы хоть чем-нибудь себя занять (с. 16); Как романисту, мне, вероятно, никогда уже более не придется писать в жизни, а потому я хоть в письмах к вам буду практиковаться в сей любезной мне манере (с. 17)

Как и автор «Губернских очерков», Вихров неоднократно сталкивается с арестантами, раскольниками, взяточниками, интервьюирует их, тем самым приближаясь к подлинной, а не воображаемой народности. Не имея возможности писать художественные тексты, он погружается в работу над служебной запиской о расколе и единоверцах.

...я все-таки еще бодрюсь и окунулся теперь в российский раскол. Кузина, кузина! Какое это большое, громадное и поэтическое дело русской народной жизни. Кто не знает раскола в России, тот не знает совсем народа нашего. <...> Словом, когда я соберу эти сведения, я буду иметь полную картину раскола в нашей губернии, и потом все это, ездя по делам, я буду верить сам на месте. Это сторона, так сказать, статистическая, но у раскола есть еще история, об которой из уст ихних вряд ли что можно будет узнать, – нужны книги; а потому, кузина, умоляю вас, поезжайте во все книжные лавки и везде спрашивайте – нет ли книг об расколе; съездите в Публичную библиотеку и, если там что найдете, велите сейчас мне все переписать, как бы это сочинение велико ни было; если есть что-нибудь в иностранной литературе о нашем расколе, попросите Исакова выписать, но только, бога ради, – книг, книг об расколе, иначе я задохнусь без них (с. 204).

Не менее важным становится развитие театральной темы. Вихров, не сумевший воплотить свои актерские и режиссерские амбиции в Москве (там он репети-

рует «Ромео и Джульетту»), находит полное применение своих творческих сил в губернии, где готовит любительскую постановку «Гамлета». При комичной произвольности выбора действующих лиц (губернатор действует угрозами и шантажом, заставляя чиновников департамента стать актерами, и рассылает тексты для учения наизусть вместе с жандармом, что делает его похожим на городничего Сквозняка-Дмухановского) обращает на себя внимание выбор произведения и роли протагониста. Следует заметить, что в финале «Губернских очерков» рассказчик также сравнивает себя с Гамлетом:

«That is the question!» – сказал Гамлет, а Гамлет был отличный человек и не поладил с людьми потому только, что был слишком страстный сторонник правды... вот хоть бы как Перегоренский. Хороший был человек Гамлет, а заколол же его Лаэрт! Так и тебя заколют, друг Перегоренский, и кто же заколет! тот самый злодей, которого ты называл рабом лукавым и прелюбодейным в просьбе, адресованной на имя его превосходительства, господина начальника губернии (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 504).

Ключевое совпадение «Губернских очерков» с романом Писемского заключается в метафорическом представлении прошлых времен. Следуя «Мертвым душам» Гоголя, Щедрин завершает свое повествование похоронами. Проводы прошлых времен становятся ключевым метафизическим событием: «“Но кого же хоронят? Кого же хоронят?” – спрашиваю я, томимый каким-то тоскливым предчувствием. – “Прошлые времена хоронят!”» (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 467). Сходным образом в пятой части романа Писемского сформулировано понимание исторических изменений: «Про какие вы ветхие времена говорите!.. Ныне не то-с! Надобно являть в себе человека, сочувствующего всем предстоящим переменам, понимающего их, но в то же время не выпускающего из виду и другие государственные цели» (с. 305).

Наконец, третьим вероятным прототипом Вихрова становится автор программной статьи «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский. Как известно, обладая фундаментальной эрудицией, Данилевский примкнул к кружку русских фурыеристов [Егоров, 1973, Riasanovsky, 1953]. Однако после ареста петрашевцев Данилевский не только раскаялся в содеянном (мыслепреступлении), но и написал записку-опровержение, в которой утверждал, что фурыеризм не несет опасности для монархических устоев. Сосланный Данилевский находился в губернских канцеляриях, результатом чего стала подготовка материалов, посвященных климату и рельефу Вологды и Самары. Вероятно, упоминание Данилевского в связи с Вихровым, сделанное Писемским в письме к Кашпиреву, указывает не только на сходство их взглядов, но и на совпадение некоторых биографических обстоятельств.

Таким образом, не будучи фурыеристом или обличителем 1840-х гг., Писемский опирался на материал, щедро предоставленный произведениями его современников. В то же время, приближаясь к современности, роман обретает злободневность, демонстрируя переосмысление идеологических и социальных вопросов 1860-х гг. Основным источником притяжений и отталкиваний для Писемского становятся романы И. С. Тургенева: «Дворянское гнездо» и недавно опубликованный «Дым», на что указывает и вышеприведенная экспозиция произведения: вслед за Тургеневым, Писемский создает усадебный колорит, сравнивая общество с картиной. Poleмика с «Дымом» прослеживается во всем произведе-

нии: в беседе юного Вихрова и его наставника о московской и общерусской идентичности, в многочисленных разговорах Павла и Неведомова о женском вопросе и нравственности и, наконец, в финальной части, где обсуждается состоятельность славянофильского направления. Подобным образом роман Писемского опровергает ключевую для тургеневского романа сюжетную схему встречи с *la femme fatale*: заражаясь любовью и страстью, Вихров практически всегда находит возможность избавиться от опутавших его сетей. Эротические переживания и сексуальный опыт, как и у Боборыкина, маркируют некоторые этапы, но никогда не становятся определяющими. Таким образом, дискурс и сюжетосложение демонстрируют несостоятельность тургеневского негативизма. В противоположность «рудинствующим Инсаровым и импотентствующим Базаровым» Писемский вводит в произведение героев-деятели, готовых состояться на служебном, семейном или любовном поприще.

Второй очевидный вектор определяется антинигилистическим романом и общим публицистическим дискурсом эпохи. Поскольку сам Писемский сыграл ключевую роль в формировании этого дискурса, здесь очевидно воспроизведение ранее апробированных им моделей в описании уже известных событий. Так, например, Писемский воспроизводит обсуждение пожаров:

– Надо быть, – отвечал священник, – потому что следующее шестое число вспыхнул пожар уже в местах пяти и везде одновременно, так что жители стали все взволнованы тем: лавки закрылись, хлебники даже перестали хлеба печь, бедные погорелые жители выселялись на поле, около града, на дождь и на ветер, не имея ни пищи, ни одеяния!

– О, mon Dieu, mon Dieu! – повторил еще раз Александр Иванович, совсем уже закидывая голову назад.

– Но кто же поджигает, если это поджоги? – спросил Вихров.

– Мнение народа сначала было такое, что аки бы гарнизонные солдаты, так как они и до того еще времени воровства много производили и убийство даже делали!.. А после слух в народе прошел, что это поляки, живущие в нашей губернии и злобствующие против России.

– Но позвольте, поляки все известны там наперечет! – возразил Вихров.

<...>

– Нет-с, – возразил священник, – это не то, чтобы мысль или мнение одного человека была, а так как-то в душе каждый как бы подумал, что поляки это делают! (с. 204)

Несмотря на то что предметом обсуждения становятся сезонные пожары, в самом упоминании поджогов и заговоров, ведущих за пределы Москвы, угадывается прямая отсылка к сходному эпизоду во «Взбаламученном море», а также серии статей Н. С. Лескова. Показательно, что в позднем романе, оставляя «заподозренными» несколько социальных и этнических групп, Писемский «снимает все обвинения» со студентов [Зубков, Петровских, 2020].

Одновременно можно констатировать усиленное взаимовлияние Писемского и Лескова. Если в образе Неведомова, в миру носящего рясу и постригающегося в монахи, угадывается антик, наподобие Юстина Помады из романа «Некуда», то в отрицающем какой-либо эгоизм характере m-lle Прыхиной предвосхищаются черты Ванскок. Сходной конфигурацией обладают отношения четы Эйсмوند и генерала Синтянина. Наконец, можно предположить, что обрисовка арестантов из четвертой части романа навеяна сходными мотивами «Записок из Мертвого

дома» и «Леди Макбет Мценского уезда». Однако наибольшее влияние на автора «Людей сороковых годов», по-видимому, оказали романы И. А. Гончарова, в том числе «Обрыв», опубликованный параллельно с романом Писемского.

Несмотря на существенную разочарованность русской критики романом, увидевшей в этом произведении падение автора «Обломова», свидетельство деградации былого таланта, можно констатировать, что в отличие от своих современников Гончарову удалось выйти за пределы злободневных вопросов, составляющих нерв эпохи. На первый взгляд фабула романа «Обрыв» представляет историю о художнике-дилетанте, художнике-неудачнике. Весь ход романного действия подтверждает эту мысль, поскольку «человек сороковых годов» Райский не создает ни одного произведения, находясь в непрерывном и часто лихорадочном поиске. Однако составляющий большую часть романа малиновский эпизод его жизни становится не только материалом для никогда не написанного романа, но и бытием, составляющим романное действие. На этом уровне переживания Райского становятся художественными мотивами, его собеседники – персонажами, а жизнь – непосредственным актом творчества, в котором он становится автором, всеведущим повествователем (проникающим в таинство Веры и Марка) и героем¹³.

Как и Гончаров, Писемский долго и мучительно «вынашивал» замысел своего произведения. Уже в 1850-е гг., вероятно, под влиянием «биографического поворота» эпохи, он задумался о создании автобиографического произведения, итогом которого стала публикация романа в конце 1860-х гг. За это время многое изменилось и в жизни писателей: и «Тысяча душ», и «Обломов» широко обсуждались и принесли их авторам славу классиков, и Гончаров, и Писемский, дистанцируясь от новейшего поколения 1860-х гг., заняли позицию «отцов» в споре двух эпох. Разумеется, репутация Писемского была скандализирована его «Взбаламученным морем», против Гончарова «играла» его служебная деятельность и гражданская позиция. Таким образом, к концу 1860-х гг. оба писателя, принадлежавшие к поколению сороковых годов, пришли к сходным художественным выводам.

Вероятно, поэтому заверченный в год публикации «Обрыва» роман Писемского обнаруживает сходную сюжетную и нарративную функцию протагониста. Как и Райский, Вихров – писатель, в этом отношении граница между вымыслом начинающего писателя и происходящим в сюжете выглядит довольно условной. Вихров не может изменить свою жизнь, однако он обретает ресурс влияния через литературу.

Разумеется, оба произведения, центральной фигурой которых является писатель, обусловлены персональным викторианским романом: «Историей Пенденниса» У. Теккерея и «Жизнью Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса. Если Теккерей продемонстрировал путь молодого денди, эстета и театрала к добродетели и посредственности, то Диккенс, опираясь на «Поэзию и правду» Гёте, создал сюжет, во многом отвечающий реплике Копперфилда: «из пустяков слагается жизнь». Заканчивая в серии ретроспекций сюжет духовного роста героя, обуславливающий становление его стиля, Диккенс выводит ретроспекции, «взгляды в прошлое», за раму повседневных событий и происшествий в жизни Дэвида. Сходным образом поступает Гончаров, заставляя Райского читать его раннюю повесть – в дей-

¹³ Сходную функцию имплицитного нарратора выполняет в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» Пьер Гренгуар – автор мистерии, созерцающий Эсмеральду и странно каменеющий в момент ее тайного свидания с Фебом.

ствительности, написанную автором «Обыкновенной истории» на заре творческой деятельности. Близок и Писемский, делегирующий своему герою сюжетную роль Бешметева («Тюфяк»), Калиновича («Тысяча душ»), Бакланова («Взбаламученное море»). Особой эмблематикой обладает эпизод расследования убийства в крестьянской семье, заключающий в себе фабулу «Горькой судьбины» – наиболее важной пьесы Писемского, отмеченной его современниками. Иными словами, «Люди сороковых годов», вслед за «Обрывом», обнаруживают тяготение к метароману, призванному обобщить пройденный писателем путь.

В заключение отметим еще одну параллель, свидетельствующую о сходных векторах поиска в европейской и русской литературах. В один год с «Обрывом» в печати появился итоговый роман Г. Флобера «Воспитание чувств». Во многом самостоятельное произведение, истоки которого обретаются в 1840-х гг., обобщало писательский опыт в духе Бальзака и его окружения. Среди прочих сюжетных линий на себя обращает внимание лейтмотив отношений Фредерика Моро и г-жи Арну. Фредерик проносит любовь к Мари через всю жизнь, однако во время последней встречи он обращает внимание на седую прядь своей возлюбленной. Сходным образом в конце романа Писемского читатель узнает со слов наблюдателей о том, что генеральша Эйсмунд «совсем старуха», что не мешает Вихрову любить ее по-рыцарски преданно. Вероятно, сюжетосложение романа Флобера и Писемского было подготовлено мощной традицией философской повести и в первую очередь произведением Вольтера «Кандид, или Оптимизм».

Сделанные наблюдения свидетельствуют об эволюции романа воспитания второго ряда русской литературы в культурной эпохе 1860-х гг. Художественное переосмысление биографических обстоятельств и обращение к различным литературным традициям позволило Писемскому в пределах единой романной формы представить авторские вариации на тему Bildungsroman в амплитуде от «Лет учения Вильгельма Мейстера» до «Былого и дум» и «Персональной истории Дэвида Копперфилда». Сравнительно недолгая история «Зари», ставшей преемницей «Времени» и «Эпохи», не позволяет оценить значения «программного» произведения Писемского. Однако в контексте уже пройденного им пути «Люди сороковых годов» становятся своеобразной «работой над ошибками» (от «Взбаламученного моря» к «Тысяче душ») с оглядкой на произведения современников – в том числе романы Боборыкина, Тургенева, Герцена¹⁴ и Гончарова. Впереди были новые испытания [Аннинский, 1988], приведшие к катастрофе – исключению имени Писемского из числа писателей первого литературного ряда¹⁵. В этом контексте «Люди сороковых годов» – своеобразная развилка, которая определяет специфику репутации писателя и позволяет осмыслить пути компромисса во взаимодействии традиции и авторской новации.

¹⁴ См. приложение.

¹⁵ В лекциях, направленных на реабилитацию литературной репутации А. Ф. Писемского, А. Кирпичников замечает: «Смерть Достоевского была бедствием, которое оплакивала вся Россия; смерть Писемского (они оба умерли в январе 1881 года) едва была замечена. Достоевский превознесен и поставлен рядом с Тургеневым и Л. Толстым; Писемский забыт, унижен и почти забыт» [Кирпичников, 1894, с. 1]. В беллетристическом описании Писемского Аннинский использует сходные метафоры, называя его «Сломленным» (что вступает в контраст с повестью «Несломленный» о Лескове).

Список литературы

- Андреева В. Г. Государство, власть, народ и человек в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. № 28. С. 670–683.
- Аннинский Л. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. 352 с.
- Веселовский А. Н. [Рец.] «Европейский роман в XIX-м столетии. Роман на Западе за две трети века» П. Д. Боборыкина // ИОРЯС ИАН. 1900. Т. 5, кн. 3. С. 1007–1020.
- Егоров Б. Ф. Первые русские социалисты. М., 1973. 392 с.
- Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум. О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 133–144.
- Зубков К. Ю., Петровских М. А. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Русская литература. 2020. № 2. С. 74–84.
- Калугин Д., Мовнина Н. Люди сороковых годов в поисках полноты жизни: Опыт описания понятийных конструкций // Slavic Literatures (panee – Russian Literature). 2024. Т. 149, № 149. С. 33–50.
- Кириченко В. Е. «Заря» В. В. Кашпирева (1869–1872): история журнала и роспись содержания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3. С. 3–40.
- Кирпичников А. Достоевский и Писемский. Опыт сравнительной характеристики. Две публичные лекции. Одесса, 1894. 56 с.
- Козлов А. Е. Феномен беллетристики в русской литературе XIX века: репутация, поэтика, рефлексия. Томск, 2025. 52 с.
- Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 480 с.
- Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. В. Вдовин, И. Клигер, К. А. Осповат. М.: НЛО, 2020. 568 с.
- Сарана Н. В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840–1860-х гг. М.: ВШЭ, 2018. 218 с.
- Синякова Л. Н. Проза А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.: проблемы художественной антропологии. Томск, 2009. 396 с.
- Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: ЯСК, 2003. 352 с.
- Тимашиова О. В. Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: личность и эпоха: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 218 с.
- Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy // American Slavic and East European Review. 1953. No. 3. P. 289–302.

Список источников

- Боборыкин П. Д. В путь-дорогу. Роман в шести книгах. СПб., 1864. 919 с.
- Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1965. 566 с.
- Герцен А. И. О развитии революционных идей в России / Пер. с фр. С. И. Рошаль, Г. И. Месяцовой // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1956. Т. 7. С. 133–259.
- Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 533 с.

- Окрейц С. С. Журналистика 1869-го года. Новые романы старых романистов // Дело. 1869. № 9. С. 32–47.
- Писемский А. Ф. Взмаламученное море. СПб., 1904. 908 с.
- Писемский А. Ф. Письма / Отв. ред. М. К. Клеман, А. П. Могилянский. М.; Л.: Наука, 1936. 976 с.
- Писемский А. Ф. Люди сороковых годов // Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 4. 404 с.; Т. 5. 505 с.
- Страхов Н. Н. Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 1–25.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 2. 559 с.; 1975. Т. 17. 623 с.
- Шелгунов Н. В. Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 1–32.

References

- Andreeva V. G. Gosudarstvo, vlast', narod i chelovek v romane A. F. Pisemskogo "Lyudi sorokovykh godov" [State, power, people and man in the novel by A. F. Pisemsky "People of the Forties"]. *Neophilology*. 2021, no. 28, pp. 670–683.
- Anninsky L. *Tri eretika. Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove* [Three Heretics. Stories about A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov]. Moscow, Kniga, 1988, 352 p.
- Egorov B. F. *Pervye russkie sotsialisty* [The first Russian socialists]. Moscow, 1973, 392 p.
- Kalugin D., Movnina N. Lyudi sorokovykh godov v poiskakh polnoty zhizni: Opyt opisaniya ponyatiynykh konstruktsiy [People of the forties in search of the fullness of life: An attempt to describe conceptual constructions]. *Slavic Literatures (formerly Russian Literature)*. 2024, vol. 149, no. 149, pp. 33–50.
- Kirichenko V. E. "Zarya" V. V. Kashpireva (1869–1872): istoriya zhurnala i rospis' soderzhaniya [V. V. Kashpиров: history of the magazine and list of contents]. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*. 2025, no. 3, pp. 3–40.
- Kirpichnikov A. *Dostoevskiy i Pisemskiy. Opyt sravnitel'noy kharakteristiki. Dve publichnye lektsii* [Dostoevsky and Pisemsky. An attempt at comparative characteristics. Two public lectures]. Odessa, 1894, 56 p.
- Kozlov A. E. *Fenomen belletristiki v russkoy literature 19 veka: reputatsiya, poetika, refleksiya* [The phenomenon of fiction in Russian literature of the 19th century: reputation, poetics, reflection]. Tomsk, 2025, 52 p.
- Krasnoshchekova E. A. *Roman vospitaniya-Bildungsroman-na russkoy pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevskiy* [Bildungsroman – novel of education on Russian soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky]. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo fonda, 2008, 480 p.
- Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy. *American Slavic and East European Review*. 1953, no. 3, pp. 289–302.
- Russkiy realizm 19 veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian realism of the 19th century: society, knowledge, narrative]. M. Weissman, A. V. Vdovin, I. Kliger, K. A. Ospovat (Eds.). Moscow, New Literary Observer, 2020, 568 p.
- Sarana N. V. *Traditsiya angliyskogo romana vospitaniya v russkoy proze 1840–1860-kh gg* [The tradition of the English novel of education in Russian prose of the 1840–1860s]. Moscow, HSE, 2018, 218 p.

Sinyakova L. N. *Proza A. F. Pisemskogo v kontekste razvitiya russkoy literatury 1840 – 1870-kh gg.: problemy khudozhestvennoy antropologii* [Prose A. F. Pisemsky in the context of the development of Russian literature of the 1840s – 1870s: problems of anthropology]. Tomsk, 2009, 396 p.

Starygina N. N. *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of the 1860–1870s]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, 352 p.

Timashova O. V. *Roman A. F. Pisemskogo “Lyudi sorokovykh godov”: Lichnost’ i epokha* [Roman A. F. Pisemsky “People of the forties”: Personality and era]. Cand. philol. sci. diss. Saratov, 1991, 218 p.

Veselovsky A. N. “Evropeyskiy roman v 19-m stoletii. Roman na Zapade za dve treti veka” P. D. Boborykina [“The European novel in the 19th century. The Novel in the West for two thirds of a century” by P. D. Boborykin]. *IORYaS IAN*. 1900, vol. 5, bk. 3, pp. 1007–1020.

Zhuravleva A. I. *Koe-chto iz bylogo i dum. O russkoy literature 19 veka* [Something from the past and thoughts. About Russian literature of the 19th century]. Moscow, Moscow Univ. Press, 2013, pp. 133–144.

Zubkov K. Yu., Petrovskikh M. A. Studenty, kuptsy ili polyaki? Izobrazhenie may-skikh pozharov 1862 goda i problema dostovernosti v romane A. F. Pisemskogo “Vzbalamuchennoe more” [Students, merchants or Poles? The depiction of the May fires of 1862 and the problem of authenticity in A. F. Pisemsky’s novel “The Turbulent Sea”]. *Russkaya Literatura*. 2020, no. 2, pp. 74–84.

List of sources

Boborykin P. D. *V put’-dorogu. Roman v shesti knigakh* [On the road. A novel in six books]. St. Petersburg, 1864, 919 p.

Boborykin P. D. *Za polveka. Vospominaniya* [For half a century. Memories]. Moscow, Gos. izd. khud. lit., 1965, 566 p.

Gertsen A. I. Byloe i dumy [Past and thoughts]. Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1956, vol. 8, 533 p.

Gertsen A. I. O razvitii revolyutsionnykh idey v Rossii [On the development of revolutionary ideas in Russia]. S. I. Roshal’, G. I. Mesyatsev (Transl. from French). In: Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1956, vol. 7, pp. 133–259.

Okreys S. S. Zhurnalistskaia 1869-go goda. Novye romany starykh romanistov [Journalism of 1869. New novels of old novelists]. *Delo*. 1869, no. 9, pp. 32–47.

Pisemskiy A. F. Lyudi sorokovykh godov [People of the Forties]. In: Pisemskiy A. F. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. Moscow, Pravda, 1959, vol. 4, 404 p.; vol. 5, 505 p.

Pisemskiy A. F. *Pis’ma* [Letters]. M. K. Kleman, A. P. Mogilyanskiy (Eds.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1936, 976 p.

Pisemskiy A. F. *Vzbalamuchennoe more* [The turbulent sea]. St. Petersburg, 1904, 908 p.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobr. soch.: V 20 t.* [Collected works: In 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1965, vol. 2, 559 p.; 1975, vol. 17, 623 p.

Shelgunov N. V. Lyudi sorokovykh i shestidesyatykh godov [People of the forties and sixties]. *Delo*. 1869, no. 9, pp. 1–32.

Strakhov N. N. Literaturnye vospominaniya I. Panaeva [Literary memories of I. Panaev]. *Vremya*. 1861, no. 12, pp. 1–25.

Формализация сюжета: «В путь-дорогу» П. Д. Боборыкина
и «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского
в контексте мемуаристики А. И. Герцена
Formalization of the plot:

Formalization of the plot: “V put’-dorogu” (“On the Road”) by Pyotr Boborykin
and “Lyudi sorokovykh godov” (“People of the Forties”) by Aleksey Pisemsky
in the context of the memoirs of Alexander Herzen

	Боборыкин	Писемский	Герцен («Записки одного молодого челове- ка» / «Былое и думы»)
Ребечество (детство и отрочество)			
Город	Н (Нижний Нов- город)	Губернский город (детство)	Москва
Наставник	Тетка Софья Ни- колаевна	Кузина Мари Им- плева	Родственница, «ма- ленькая девушка» Татьяна Купчина (Пассек)
Студенчество и юность			
Город	К (Казань)	Москва, губерн- ский город	Вятка, Пермь
Наставник	Ольга Ивановна	Фатеева	Жена чиновника Р*
Взросление героя			
Город	Д (Дерпт)	Санкт-Петербург	Москва
Наставник	Татьяна (Темира)	Мари Имплева (Эйсмонд)	Наталья Захарьина (Герцен)

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент Новоси-
бирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Рос-
сия)
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State Peda-
gogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 09.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 20.05.2025
The article was submitted on 09.03.2025;
approved after reviewing on 20.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025*